

РОССИЙСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК
ПОЛТАВСКОЙ
БАТАЛИИ
300

РОДИНА

ISSN 0235-7069
9 780235 708002 07

Николай КОМОЛОВ,
кандидат исторических наук

ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ — АЗОВ

Пленные шведы на юге России до и после Полтавы

Ввесной 1701 года жители Воронежа впервые увидели «свеян» — поданных Карла XII, среди которых были природные шведы, жители Карелии и Прибалтики, выходцы из Северной Германии. Все они попали в русский плен и направлялись в Азов.

К иностранцам воронежцам было не привыкать. По инициативе Петра на местных верфях развернулось масштабное строительство не потешного или торгового, а первого регулярного военно-морского флота. Здесь трудились корабельные мастера из разных стран. Русская речь перемежалась с английской, голландской, итальянской. В Воронеже вдоль реки расположи-

лась своя Немецкая слобода с двумя кирхами. Частые и нередко долгие (по два с лишним месяца) царские приезды делали город на это время центром государственной жизни. За четверть века, начиная с 1696-го, царь посетил Воронеж 13 раз. В «колыбели флота» перебивала вся высшая элита страны, многие члены царской семьи. Благодаря иностранным дипломатам, которых Пётр приглашал сюда для демонстрации успехов России в деле

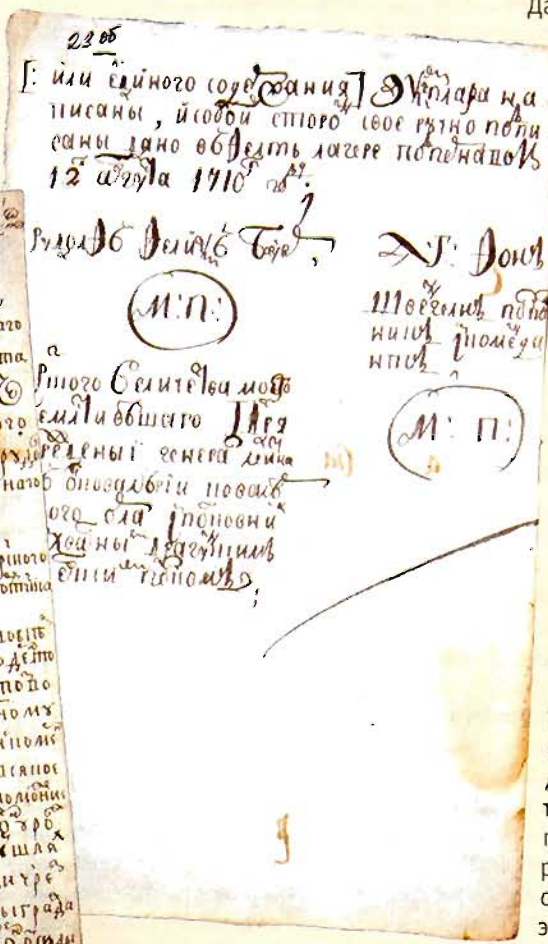

Барабан шведской гвардейской пехоты. Начало XVIII в.

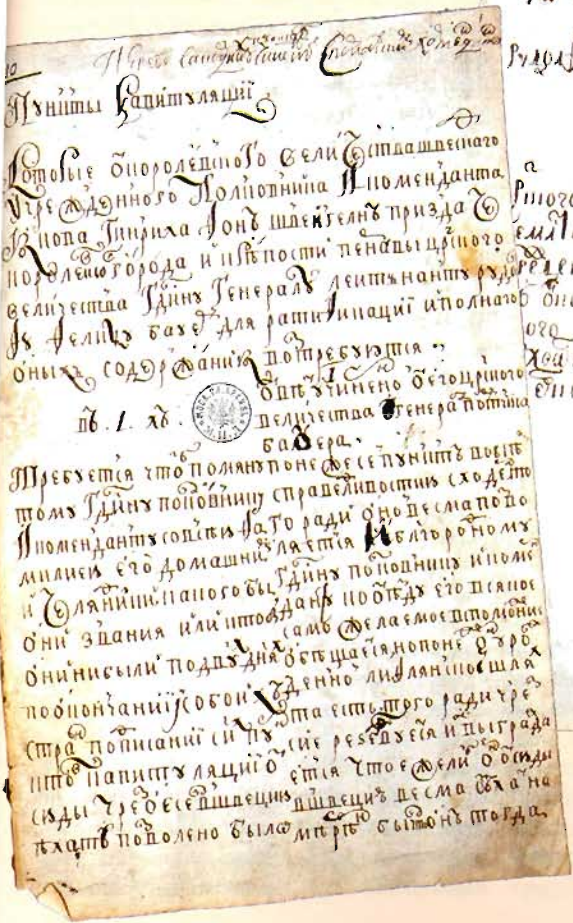
военно-морского кораблестроения, имя доселе малоизвестного провинциального городка зазвучало на высшем европейском дипломатическом уровне.

Выгодные условия работы привлекли в Воронеж и уроженцев Скандинавии. Датские мастера строили многопушечные корабли, норвежский вице-адмирал Корнелий Крюйс участвовал в создании местного Адмиралтейства, занимался вербовкой на русскую службу специалистов морского дела, многие из которых направлялись в Воронеж и Азов.

Важным приобретением стало принятие на службу ещё в 1698 году шведского подданного Христиана Отто. На последующие 17 лет он прочно «прописался» на южных рубежах, проявив себя в разных ипостасях: чертил карты Чёрного моря, вёл практические занятия по морскому делу и корабельной артиллерии в Адмиралтейской школе Воронежа, где готовили младших офицеров флота, ремонтировал вооружение в Таврове, под конец — руководил Липскими (Липецкими) железными заводами. В качестве штурмана Отто участвовал в ответственном деле — сопровождал из Воронежа до Азова знаменитую «Гото Предестинацию»: корабль, построенный при непосредственном участии Петра, вызывал восторженные отклики современников. Немало членов его экипажа во время перехода состояло из пленных шведов. Отто на славу потрудились для своей новой родины, которая с начала Северной войны стала заполняться его захваченными соотечественниками.

Дороговоз между генерал-поручиком Боуром и шведским полковником фон Швенгелем при сдаче шведского города и крепости Перново российскому войску. РГАДА. Ф. 96. Оп.1. 1710 г. № 4.

В Азов — конечный пункт их невольного путешествия на юг России — колодников доставляли по следующему маршруту. Из Великого Новгорода и Пскова шведских подданных привозили в Москву в Преображенский или Разрядный приказ. Последний обеспечивал их этапирование в Воронеж. Воеводе П. М. Игнатьеву вменялось в обязанность подвергать арестантов «анкетированию», включавшему вопросы о месте жительства, чине, вероисповедании, месте пленения, об участии в торговле табаком в Новгороде. Из Воронежа узники, как правило, объединившись с другими ссыльными, под усиленной охраной доставлялись в Азов на транспортных бударах. Чаще их везли «вешним плавным путём», но порой и не в сезон навигации.

Первая известная группа, состоявшая из пятнадцати «свейских языков», была послана в феврале 1701 года. В марте–апреле навстречу неизвестности двинулись ещё две партии шведов численностью в 50 человек. В Азове подданных Карла XII определили «на пашню». В сентябре в сопровождении десяти воронежских пушкарей в место ссылки поступило ещё 18 шведов и несколько русских уголовников. Не все «свейские полоняники» выдерживали смену климата и условия содержания. По приезду они начинали «хворать» и вскоре умирали.

Социальный состав прибывавших был весьма разнолик. Партия из 39 человек включала 15 солдат (троим суровые будни скрашивали жёны), 4 купцов, 2 рабочих людей, 13 крестьян, 2 пасторских сыновей. До места ссылки добрались не все, половина — бежали или умерли¹. Из уцелевших благополучно добрались до Азова и два предпринимателя — «Свейской земли торговый иноземец» Яков Нумменс и купец из Любека Каспар Родде. Оба смогли «засветиться» в источниках и оживить коллективный портрет южнорусских «полоняников». Нумменс посредничал при торговле табаком в 1699 году, Родде до конца петровского царствования активно работал на русском рынке². Но сначала был Азов.

По приезду «свеян» распределили по 8–9 человек в пять жилых полков под командованием И. М. Старкова, В. С. Ян Грека, В. Е. Жаворонкова, С. И. Верховского и А. С. Блудова. Пленных разместили по солдатским дворам и предписали «беречь». Постой предполагался как временное явление — до устройства шведам собственных дворов. Но этим чудесным планам не суждено было свершиться: помешало «утеснение великое» в запланированном для расселения месте. На пустующих участках, выделенных солдатам

и не освоенным по бедности, поселять невольников воевода С. Б. Ловчиков не решался, опасаясь их побегов на Кубань. К слову, глава администрации так и не получил подробных инструкций о содержании скандинавских «полоняников» и небеспричинно интересовался, как им «на пашне быть и на каких лошадях пахать», чем кормить и как обустроить.

Скоро ответ на некоторые вопросы был найден. Офицеры, корабельные мастера, лекари начали заваливать Азовскую приказную палату челобитными с просьбой взять арестантов на поруки для использования в различных делах. Канцелярия выносила распоряжения с обязательным условием предъявить пленников по первому требованию. Из Азова отпускать их категорически запрещалось, всегда предписывалось иметь «налицо». Смерть такого «полоняника» свидетельствовалась особо на предмет её естественного характера, побег же наказывался для поручителя пеней и отправкой на каторгу.

Поручная практика была выгодна и самим колодникам. 27 человек из 5 жилых полков, не взятых «на расписку», в ноябре забрали на тюремный двор, откуда отправили на каторжные работы. К примеру, из 9 человек, отданных под караул в полк Ян Грека, пятеро попало под поручительство, остальным повезло меньше.

Несколько имён небезынтересно привести. Майор Г. Эверзон выступил поручителем уроженца Гамбурга некоего Мишки Мельника, назвавшегося приказчиком ливонских мыз высокопоставленного шведского чиновника Густава Адольфа Стрюмфельта.

Знакомого нам торговца Родде взял на поруки «мастер огнестрельного дела» У. фон Сперейтер — эстляндский дворянин, поступивший на русскую службу в артиллерию ещё в 1696-м. По этой части он трудился в Азове, Таганроге, Павловске, участвовал в Русско-турецкой войне 1735–1739 годов. За взятие Каланчей и Лютика получил орден Александра Невского и закончил службу в ранге генерал-лейтенанта.

«Свейской земли» откупщика М. Гукмана, не способного ходить на службу по болезни, брал на поруки до его выздоровления капитан городского дела Логин Шток, будущий генерал-майор и киевский вице-губернатор (1727–1730). Обман вскрылся на тюремном дворе. При осмотре пленник оказался здоров, но челобитчик всё-таки смог добиться своего.

В 1702 году 25 пленников, и не только рейтар и драгун, но и торговцев Нумменса и Родде, записали солдатами в жилые полки³. Война продолжалась, увеличивая размер «свейского» полона, до-

стигнувшего наибольшего поступления под Полтавой и Переволочной.

Для предстоящего сражения с Карлом на Липских железных заводах «с великим поспешением» отливались гранаты и ядра. Качество их должно было быть высочайшим — «чтобы ни чертою больше или меньше назначенного». Роль узловой транспортной артерии выполнял Белгород, куда стекались вооружения и боеприпасы, шедшие через Москву и Воронеж. Из Белгорода транспорт в мае–июне 1709 года интенсивно направлялся под Полтаву. 21 июня в Белгород отправили огромный арсенал: тысячу пудов пороха, 400 пудовых бомб, 300 полупудовых и 400 шестифунтовых гранат, 2 тысячи трехфунтовых ядер. По очередному указу воронежский обер-комендант Степан Андреевич Колычев выслал в армию 350 пудовых и полупудовых бомб и 950 ядер разного калибра. За день до «преславной баталии» из Воронежа в полевой артиллерии было получено ещё 250 бомб и сотня гранат⁴. Незадолго до битвы Пётр наметил Колычеву большой заказ — сделать по присланным образцам 8 тысяч лопаток и 3 тысячи кирок, из них треть как можно быстрее требовалось прислать в армию под Полтаву. После сражения посылку переадресовали в Смоленск.

По случаю блестящей победы Пётр поздравил и наградил шведскими шапками Колычева, корабельных мастеров Ричарда Козенца и Джозефа Ная, трудившихся на верфи в Таврове. Потомки Степана Андреевича бережно хранили сей драгоценный трофей.

Для воюющих государств Полтава имела переломное значение в прямом смысле, для пономаря соборного храма города Острогожска С. Юрьева — в переносном. В преддверии сражения Адмиралтейский приказ в Воронеже предписал во всех церквях служить молебны и три дня звонить в колокола о даровании победы над шведами. Патриотическое усердие пономаря не обошлось без последствий: вестовой колокол, отданный в церковь «для благовесту», был разбит «от звону на пол аршина».

О победе над грозным противником предписывалось «всему миру радостно сказать», поэтому жители городка Усмани (ныне Липецкой области) щедро потратили пушечное «зелье» на праздничную стрельбу, не заботясь о сохранявшейся для них опасности грабительских набегов калмыков и «воровских» донских казаков⁵.

Как известно, под Полтавой и Переволочной было пленено около 23 тысяч человек, включая гражданских лиц. Это создало значительные проблемы для безопасности

и снабжения. Около 6 тысяч рядовых, а также низших офицеров сразу перешли на русскую службу, остальных объединили в группы и рассредоточили по различным городам⁶. В воронежский край было отправлено с полковником Нелидовым около 3 тысяч пленных шведов⁷. Их размещением и обеспечением провиантом занимался Кольчев (впоследствии азовский вице-губернатор и первый герольдмейстер России). Первоначальным местом пребывания шведов был назначен город Коротояк (ныне село). После же начала строительства крепости на реке Осереды Пётр указал послать их туда. Маршрут полона, включавшего также служителей королевского двора, пролегал через Воронеж.

Шведский генералитет во главе с генерал-фельдмаршалом Карлом Густавом Реншэльдом (1651–1722) был доставлен в вотчину Меншикова — Ораниенбург⁸ — его личным драгунским эскадроном, кстати, участвовавшим в Полтавской битве. Военачальникам оставалось тешиться славными воспоминаниями о прежних боевых успехах и обеде в походном шатре Петра с его знаменитым тостом за шведских учителей в военном деле.

Как следует освоиться на новом месте пленники не успели. 31 октября Кольчеву предписывалось присланных из-под Полтавы шведов отправить «за добрым конвоем» с артиллерией и знамёнами в Серпухов. Срок определялся началом декабря. В пункт сбора направлялся и Реншэльд с «компанией».

21 декабря 1709 года Пётр триумфально въехал в Москву. Творцы церемонии позаботились о том, чтобы произвести на современников ошеломляющее впечатление и сделать пленных шведов главными участниками и ключевыми фигурами действия. Свита короля, двор, генералитет, офицерский состав в окружении гвардейских Преображенского и Семёновского полков стали символическим центром, наиболее знаковой частью процессии.

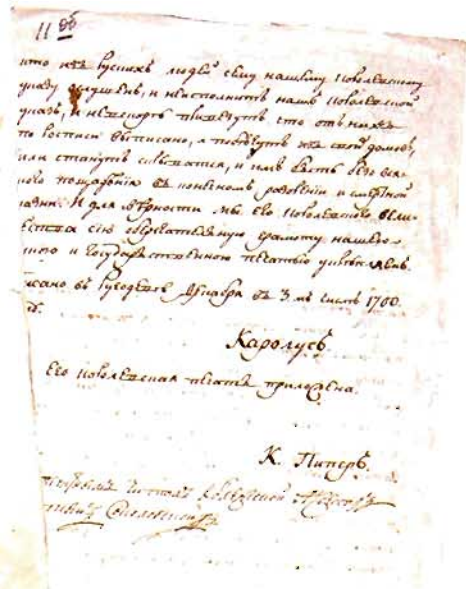
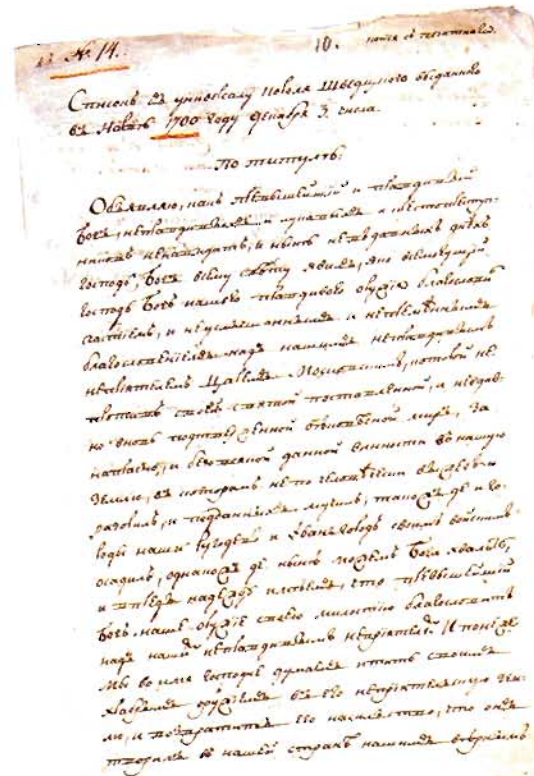
К концу года в Москве и её окрестностях пребывало около 18 тысяч пленников. После декабрьского триумфа большую их часть разослали на север, в волжские города и Воронеж. Некоторым местам ссылки повезло: шведы оставили фрагментарные описания их укреплений⁹. По южнорусским городам, увы, таких зарисовок мы не знаем. А потенциальных писак было немало. Огромная орава в 5 тысяч человек, посланных в Воронеж к марту 1710-го, легла тяжким бременем на жителей городов Адмиралтейского округа. Все годы кораблестроения им и так приходилось несладко, а тут ещё и иноземные узники. Воеводам

же своевременная невысылка для арестантов припасов грозила сторублёвым штрафом, что заставляло их рьяно собирать провиант, который бесцеремонно подъела саранча.

Администрации Азова и Таганрога в том же 1710 году было попроще: там трудилось «всего» 795 «полоняников». Ноябрьский список работающих «у горо-

занскому губернатору Петру Матвеевичу Апраксину неприятный сюрприз. Он заключался в обеспечении массового перемещения через его губернию шведов с юга России на восток. Пётр Матвеевич отвечал за доставку их до первых сибирских городов, а там уже эстафета по приёму и разводу пленных по отдалённым местам ссылки переходила к коменданту Матвею Петровичу Гагарину и особо уполномоченным лицам.

Обстановка между тем накалялась. В феврале 1711-го Кольчев получил оперативную информацию о том, что крымский хан и

Универсал Карла XII русским людям о начале войны между Россией и Швецией с гарантиями безопасности их имущества. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700 г. № 14.

догового дела» в Азове включал не менее 122 человек. Тут уже пришлось поднапрячься Тамбовской провинции. Из её доходов каждый пленник получал на платье и обувь по 3 рубля.

К большому облегчению для руководства Азовской губернии шведов уже тогда активно перемещали на Урал и в Сибирь. Масштабности этому явлению добавило резкое обострение на юге страны военнополитической ситуации. 20 ноября 1710 года Османская империя объявила войну России. В следующем году начались активные боевые действия. Ожидалось наступление крымского хана. Шведский король, бежавший в Турцию, развернул бурную деятельность. Держать его бывших подданных в придонских крепостях возле верфей стало весьма опасно. Накануне нового года Пётр I преподнёс ка-

ногайцы «в украинные города вышли». Нужно было срочно избавляться от потенциальной «пятой колонны», и азовский губернатор Фёдор Матвеевич Апраксин приказал освободиться от всех пленных. Турок и татар следовало прислать к Москве, шведов «до единого человека» с Осереда и Воронежа отправить по разным местам, а со временем — в Казань и Сибирь. Вскоре Фёдор Апраксин, как бы спохватившись, уже чётко сформулировал задачу: «Шведов конечно розослать всех в Сибирь». Нельзя проигнорировать и другое не столь грандиозное, но не менее исторически значимое поручение Кольчеву о немедленной присылке из Воронежа в Москву токарного станка Петра, забрав его «в государеве доме или где найдёшь»¹⁰.

«До походу в марш» шведские не-

вольники мило квартировали в сараях на загородном дворе бывшего коменданта Тавровской крепости полковника П. В. Григорова. Час пробил, и вереница пленных, подданных Карла, потянулась по раскисшим весенним дорогам. В конце апреля 1711 года шведы из Воронежа и Азова наконец-то прибыли в общее место сбора Вятку для последующего этапирования в Сибирь. Но более 1300 их соотечественников осталось-таки в воронежском крае: одни перешли на русскую службу и были включены в полк Рыкмана, другие были заняты на строительных работах.

В преддверии холодов возникла проблема тёплой одежды. «На шитьё шуб» для раздачи шведским «полоняникам» и караулившим их солдатам планировалось купить 5 тысяч овчин. Однако в октябре 1711-го вице-адмирал Крюйс печально констатировал: «Галерные невольники и шведские полоняники все наги, не имеют к предбудущей зиме рубаш, башмаков и шуб». А как, наверное, эти Юханы и Улофы мечтали о родном обмундировании, столь высоко ценимом Петром наряду со шведским правом, государственным устройством и прочим. Даже обувь для русской армии должна была шиться по образцам противника, что видно из письма 1711 года Фёдора Апраксина к воронежскому ландрихтеру («земскому судье») С. Т. Клокачёву, в котором сказано: «Драгунские сапоги и солдатские башмаки делать на манер швецкой».

И куда же в таких модных обновках? Конечно, на строительство крепости — туда, где больше грязи. «Серецкую крепость делать одними невольники шведскими и которые есть в Таврове, всех взять на Осеред». К исполнению этого приказа Ф. Апраксина от 5 апреля 1712 года приступили немедленно. Правда, так не закончили и через шесть лет. Может, размахнулись широко, а может, потому что шведов повезли в Петербург.

Стройкам новой столицы постоянно требовалась рабочая сила. В августе 1713-го Пётр указал Сенату шведских невольников, за исключением офицеров, из Москвы и ближних к ней мест выслать в Петербург, а остальных отправить к весне. 16 января 1714 года шведские арестанты отовсюду «где сколько есть»,

в том числе из Азовской губернии, направлялись в град Петров, кроме тех, кто «пошли в государеву службу и крестились или хотя и не крестились, и тем быть в тех службах по-прежнему...»¹¹

Похоже, скандинавских генералов и офицеров содержали в России «во всякой свободе и чести», а вот с русскими пленниками на родине Карла обращались жестоко. Эта нестыковка весьма интересовала Ф. Апраксина, апеллировавшего с этим в 1714 году из Финляндии к принцессе Ульрихе Элеоноре и шведскому Сенату. Генерал-адмиралу ничего не оставалось, как угрожать аналогичным содержанием. В ультимативной форме ответ требовался он так и не прозвучал, принцип равного воздаяния подлежал неизбежному исполнению. Знатным шведским военным для дальнейшего местопребывания были намечены разные монастыри.

Двух крупных полководцев — фельдмаршала Реншёльда и генерала Адама Людвиг Лёвенгаупта (1659–1719), того, что русская армия разбила под Лесной, — планировалось послать в Рененбург, где первый уже имел удовольствие побывать сразу после Полтавы. Впрочем, шведам оставили шанс избежать этой перспективы. Им следовало лишь объяснить Стокгольму, что рассылка не состоится при условии облегчения режима высших российских офицеров¹². И, по всей видимости, из Москвы в чернотёмную вотчину Меншикова обоим высокопоставленных особ так и не выслали¹³. Случилось это чуть позже, но только в отношении Реншёльда. Лёвенгаупт же умер в России.

Шведский контингент в Азовской губернии постоянно менял свою численность. Тому способствовали бегство, смертность и высылка в столицу. Сухая и неизбежная статистика резюмировала, что в Воронеж из Москвы было направлено 3899 шведов, ещё тысяча душ от Иван-озера. Из-под Полтавы на Осеред поступило 2759 пленников, включая 112 представителей королевского дома и 142 артиллерийских служителя. Общая численность «полоняников» составила 7658 человек.

Из этой партии в Первопрестольную, вероятно на декабрьское торжест-

во 1709-го, вернулось 1852 человека, в Азов — 30. С 1709 по конец января 1711 года умерло и бежало 1947 человек, осталось 3830. В 1714-м на Осереде, в Таврове и Липских железных заводах находилось 1325 шведов (драгун, офицеров, солдат, неслужащих, артиллеристов, полковых пасторов, писарей). На смольном дворе в Таврове трудилось два шведских мастера, на бочарном — ещё семь (Ларс Эрн и коллеги) с жалованьем 10–15 алтын в месяц¹⁴. Потеряв одного товарища, они работали почти до Ништадтского мира.

Пушки Северной войны постепенно замолкли. Апрельский манифест Петра 1721 года констатировал, что Россия вела войну из государственных целей, а не «партикулярной противности» к шведам, и призывал пленных переходить на русскую службу. По принятии присяги им разрешалось поселяться в России, заключать брак, приобретать недвижимость, заниматься торговлей и ремёслами. Манифест разослали во все провинции и города, где находились военнопленные¹⁵. Оставались считанные месяцы до заключения Ништадтского мирного договора, статья которого предусматривала взаимное освобождение всех военнопленных, «какой бы нации, чина и состояния ни были», без выкупа, кроме принявших православие и желающих остаться.

Из Воронежа в далёкий Петербург на 10 ямских подводах отправились последние «свейские полоняники»: подполковник Филипп Энштедт, захваченный ещё под Полтавой, два майора (от артиллерии фельдцейхмейстер К. Р. Штроль и пехотного полка Ф. Миллер), с ними 6 «хлопцев» (денщиков). В ноябре 1721-го в Воронеж же был получен указ о заключении мира со Швецией. Публичное оглашение в соборной церкви традиционно закончилось торжественным молебном.

В пребывании пленных «свеян» на юге можно ставить жирную точку. В памяти вернувшихся на родину жителей собственно Швеции и тех земель, что сейчас входят в состав России и стран Прибалтики, маршрут Полтава — Воронеж — Азов остался драматическим транзитом от точки переломной баталии двух великих держав.

г. Воронеж

Примечания

1. Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. И-5. Оп. 1. Д. 383. Л. 9–10; Оп. 2. Д. 297. Л. 1; Д. 304. Л. 1–3; Д. 324. Л. 2–5; Д. 330. Л. 1.
2. Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. 1996. С. 35–36, 152, 289, 316–317.
3. ГАВО. Ф. И-182. Оп. 5. Д. 17; Ф. И-5. Оп. 1. Д. 383. Л. 1–12; Оп. 2. Д. 321. Л. 1–18; Д. 324. Л. 15–21, 24–25.

4. Колосов Е. Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М. 1959. С. 98–99.
5. РГАДА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 161. Л. 48 об.; Ф. 1170. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об.
6. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII века. М. 2005. С. 28, 34, 41 и др.
7. Голиков И. И. Дополнения к Деяниям Петра Великого. Т. 16. М. 1795. С. 80; Письма и бумаги Петра Великого (далее

ПБВ). Т. 9. Вып. 1. М.; Л. 1950. С. 284, 292.
8. Комолов Н. Место ссылки — «воражевый город»//Родина. 2009. № 2. С. 30.
9. Шарыпкин Д. М. Русские дневники шведов — полтавских пленников// Восприятие русской культуры на Западе. Очерки. Л. 1975. С. 73.
10. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249. Л. 36–37.
11. ГАВО. Ф. И-296. Оп. 1. Д. 25. Л. 24; ПБВ. Т. 13. Вып. 2. М. 2003. С. 86, 393–394.

12. Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М. 2004. С. 430.
13. Беспалов А. В. Сподвижники Карла XII. М. 2003. С. 53, 107.
14. Комолов Н. А. Пленные шведы в южном регионе в петровскую эпоху// Из истории воронежского края. Вып. 9. Воронеж. 2001. С. 44–45.
15. ПСЗРИ. Т. 6. СПб. 1830. № 3778. С. 383–387.